

ДОКУМЕНТИ ТА МАТЕРІАЛИ

Київська школа акад. М. С. Грушевського*

Микола Ткаченко

Док. № 25

З протоколу допиту М. М. Ткаченка**

7 березня 1928 р.

[...] Будучи предупрежденным о содержании ст. 178 УК УССР, 64 и 167 УПК УССР, по существу дела показал: 1911 або 1912р. я по закінченні 2-ої Київськ. [ої] гімназ.[ії] поступив на істор.[ично]-філолог.[ічний] фак.[ультет] Київськ. [ого] Університ.[ету] св. Владимира. Університет я скінчив 1916 р. в кінці року. Перебуваючи в Університеті, я був зв'язаний з Українською студ.[ентською] громадою і співчував соціал-демократам. Тоді я простудіював "Капітал" Маркса і з того часу я себе вважаю марксистом і досі як історик працюю марксістським методом і вважаю, що іншого методу бути не може. До революції я зацікавився життям робітництва та селянства, і це було головною основою, на якій збудувався мій соціальний і політичний світогляд. Я переконався, що головну роль в історії суспільства відіграє робітництво і селянство, а з-поміж цих двох груп домінуюча роль повинна належати пролетаріатові. Оскільки Рад.[янська] влада є репрезентантом співробітництва цих двох груп, а диктатура пролетаріату є тепер основою, на якій будується державна система України і СРСР, то ця форма, на мою думку, являється найбільш відповідною системою для дальшого розвитку людства. Таким чином, я сприймаю Рад.[янську] владу як найкращу систему державного устрою, а також цілком поділяю її принципи. В галузі національній я теж вважаю, що Радянська влада найкраще розв'язує національне питання як взагалі, так і зокрема на Україні. Абсолютно ніяких розходжень принципів з Радянською владою у мене нема. Весь час з початку революції 1917 р. я живу в Києві. По закінченні Університету я дістав посаду вчителя гімназії, а потім, коли за Радянської влади гімназії перетворилися в тр[удові] школи, я працював вчителем кількох шкіл, а згодом мене призначили завідуючим[ом] однієї з трудшкіл. На чолі губнаросвіти тоді стояв т. Л. М. Левицький, і мене в той час було призначено інструктором по шкільній секції Губнаросвіти, і одночасно я залишався завід.[уючим] тр[удової] школи. У 1919 р. я поступив на посаду до Укр.[аїнської] Акад.[емії] наук. Спочатку я був науковим співробітником І Від[ділу] УАН, а потім на короткий час мене призначили дійсним членом істор.[ично]-геогр.[афічної] комісії, на чолі якої стояв проф. Грушевський Ол. Серг. З того часу я і досі працюю в Академії. Основна моя посада по згаданій комісії, а крім того, я працюю і в інших істор.[ичних] комісіях, а також штат[им] науков.[им] співробітником Кафедри істор.[ії] України акад. М. С. Грушевського. У 1921 р. або у [19]22 р.

Продовження. Початок див.: Укр. іст. журн. — 1996. — № 5.
Микола Ткаченко був заарештований 6 березня 1928 р.

я поступив асистентом Катедри історії України при ВІНО. Минулого року мене призначили викладачем історії Росії в ІНО, а тепер мені тимчасово доручено викладання істор.[іі] революційного] руху за пропозицією тов. Семка *. Окрім цієї роботи, я є головою місцевому УАН і уповноважен.[им] Секції наук.[ових] робітників від УАН. Ніколи за часів революції я не займав ніякої урядової посади, окрім безпосередньо педагогічної роботи. Я не служив ні в старій армії, ні в армії якогось протирадянського уряду. Від служби в Червоній Армії я був звільнений як наук.[овий] робітник.

Все тут записане мені прочитано, і я стверджую його справедливість. [...] М. Ткаченко.

Допита провадив Такке-Долореску.

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014), арк. 24 зв. Автограф слідчого на бланку за підписами його і в'язня.

* Семко-Козачук Семен Михайлович (1889—1938) — активний член ВКП(б), ректор Київського ІНО (1927-1929).

Док. № 26

З протоколу допиту М. М. Ткаченка

27 березня 1928 р.

Уповноважений Т[аємного] Відділення] Київського Окрвідділу ДПУ ТАККЕ проводив додаткового допиту (так) гр. **Ткаченко** Миколи Михайловича, який на поставлені йому запитання відповів:

З[апитання] 1. Що Ви можете сказати з приводу тих обвинувачень, які я висунув проти Вас?

В.[ідповідь] 1. Передумуючи ті артикули К.[арного] Кодексу, які висунуто проти мене, передумуючи свою ідеологію і свою роботу, я не знайшов жодного матеріалу, що свідчив би про мій політичний злочин. Могли б, звичайно, бути помилки, як і в кожній людині.

З. 2. Чи не почуваете Ви себе в чомусь винним перед Радвладою?

В. 2. У всій своїй діяльності, оскільки я її пригадую, я не бачу матеріалу, який би міг свідчити про мою антирадянську діяльність, чи взагалі про якісь мої провини проти Радвлади.

З. 3. Чи висловлювали Ви протягом останніх кількох років в приватних розмовах з кимось своє незадоволення Радвладою взагалі, чи її політикою в якоїсь (так) галузі життя?

В. 3. Ні, я думаю, що не висловлював. Я знаю кілька моментів, коли я в розмовах відстоював політику Радвлади.

З. 4. Як Ви ставитесь до національної політики Радвлади на Україні?

В. 4. Визнаю цілком правильне розроблення Радвладою національної проблеми.

З. 5. Чи знаєте Ви наукового співробітника Української Академії наук гр. **Плевако** Олександра Антоновича? **

В. 5. Так, я знаю його. Я не пригадую точно року, коли я з ним познайомився, але думаю, що це було року 23 чи 24. Я з ним ближче познайомився на професійній роботі, якою він цікавився. Пригадую, що з рік чи півтора тому якимось в Академії в гурті співробітників **Плевако** висловив

** Брат літературознавця Миколи Антоновича Плевака. Був живий 1978 р. Після звільнення з ув'язнення мешкав у Дніпродзержинську.

гадку про те, що зараз не обов'язково бути членом профспілки. Конкретніше, пригадати його слова я тепер не можу. З гр. **Плевако** я не в близьких стосунках. Я працюю в І, він в ІІІ Відділі УАН. Стикаюся з ним тільки на професійній частині роботи. Особистих стосунків у мене з ним абсолютно нема. Політичні переконання **Плевако** мені абсолютно невідомі, бо він мені не дав достатнього матеріалу. На політичні теми я з **Плевако** розмов ніколи не вів. В якихось спільних знайомих я з **Плевако** ніколи не стрічався. Я навіть не знаю, чи є у мене з **Плевако** якісь спільні приватні знайомі.

3. 6. Чи знаєте Ви гр. **Турівську** Тетяну Семенівну?

В. 6. Ні. Абсолютно не знаю. Це я вперше од Вас чую цю фамілію. Не можу пригадати такої людини.

Протокола з моїх слів записано вірно й мені його перечитано. **Ткаченко.**

Допит провадив **Такке-Долореску.**

Згідно: <підпис>.

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014), арк. 51. Завірена машинописна копія.

Док. № 27

З протоколу допиту М. М. Ткаченка

2 квітня 1928 р.

[...] **Запитання.** Чи не можете Ви більш детально оповісти мені про Ваше знайомство з гр. [адянином] Плевако?

Відповідь. Під час попереднього допиту я розповів про свої стосунки з Плеваком. Близьких стосунків у мене з ним не було, бо ми працюємо в різних Відділах Академії і на роботі з ним не стикаємось. Я ніколи не був у гр. Плевака вдома, і він так само до мене додому не приходив.

Запитання. У кого з приватних знайомих Ви бували вдома протягом останніх двох років не в службових справах?

Відповідь. Заходив інколи до проф. Гермайзе, далі, коли бував у Лаврі, заходив до Курін[н]ого П. П. і з того часу, як я живу в буд.[инку Всеукраїнського історичного] Музею [ім. Шевченка], я інколи заходив до небіжчика Щербаківського. Крім цих тр[ь]ох, я більше нікого не можу тепер пригадати.

Запитання. Чи не вели Ви коли-небудь з гр. Плевако або з кимсь іншим розмов про радіо?

Відповідь. Ні. Я можу сказати одверто, що тут я профан і ніколи не інтересувався цим питанням. Ніколи я не міг мати розмови з цього приводу. Тут я кажу про розмови спеціального характеру. Саме слово "радіо", як інші подібні слова "телефон", "телеграф" і т. п. я міг уживати десь в розмові як звичайні культурні слова, але твердо пам'ятаю, що ніколи спеціально не розмовляв з приводу радіо, бо на ньому не розуміюся і цим питанням не цікавився. Нічого додати до цього протоколу не можу. Протокол з моїх слів записано вірно і мені його перечитано. М. Ткаченко.

Допита провадив **Такке-Долореску.**

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014), арк. 53 зв. Автограф слідчого за підписами його і в'язня.

Док. № 28

Постанова Київського окружного відділу ДПУ

6 квітня 1928р.

Я, уполномоченный Секретного отделения Киевского Окротдела ГПУ ТАККЕ, рассмотрев дело № 159 по обвинению гр. гр. **Ткаченко** Николая Михайловича, 1892 г. рожд.[ения], уроженца мест.[ечка] Тальное Уманского округа, украинца, женатого, образование высшее, беспартийный, член профсоюза РОБОС, по профессии педагог-историк, науч.[ный] сотр.[удник] УАН и преподаватель] КИНО, подданный УССР, проживает в гор. Киеве по ул. Революции № 29, и **Плевако** Александра Антоновича, 1899 г. рожд., происходит из с. Дворечно Купянского уезда Харьковской губ., украинца, холостого, беспартийного, чл.[ена] профсоюза РОБОС, образование высшее, по профессии научи.[ый] работник - экономист, сотрудник УАН, подданный УССР, проживает в Киеве по ул. Либкнехта, 42/1 - в деяниях, предусмотренных ст. ст. 18, 54-10, 54-8, 54-11 УК УССР,

Нашел:

Что гр. гр. **Ткаченко** и **Плевако** обвинялись в попытках проведения антисоветского террора, антисоветской агитации и пропаганде и попытке создания антисоветской организации и что материалы, добытые следственным путем, недостаточны для предания гр. гр. **Ткаченко** и **Плевако** суду,

Постановил:

Дело по обвинению гр. гр. **Ткаченко** Николая Михайловича и **Плевако** Александра Антоновича в деяниях, предусмотренных ст. ст. 18, 54-8, 54-10, 54-11 УК УССР, прекратить на основании ст. ст. 197-2 и 213-1 УПК УССР, о чем сообщить Киевскому Окрпрокурору.

Уполномоченный СО КООГПУ <підпис> (Такке) Согласен: НачСО КООГПУ <підпис> (Гражуль) Утверждаю: НачКООГПУ <підпис> (Западный).

Т1.ДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014), арк. 53 зв.

Док. № 29

**Обвинувальний висновок у справі М. М. Ткаченка
та О. А. Плевака**

10 квітня 1928р.

[...] В начале 1926 года гр-н **Ткаченко**, по имеющимся в деле агентурным данным, заинтересовался делом военизации ВУЗ'ов и работой в них отделений Военно-научного о-[бщест]ва. **Ткаченко** связался с некоторыми лицами, работающими в тех.[нических] ВУЗ'ах, где предполагалось проводить военизацию, и пытался через них проводить свое влияние в этой области. В данном случае **Ткаченко** выступал не от себя лично, а от группы лиц, из которых он называл гр-на **Плевако** Александра Антоновича, о котором речь будет ниже. Здесь гр-н **Ткаченко** задался целью через Военно-научное о-[бщест]во поставить руководящие украинские круги вплотную с вопросом обороны Украины, быть в курсе его и, по мере возможности,

захватив в укр.[айнские] руки работу этого Об[щест]ва, быть в состоянии статической готовности. Эту задачу гр-н **Ткаченко** ставил как часть общей задачи завладения украинцами всех решительно высот на Украине. Ввиду того, что в тот момент работа по военизации ВУЗ'ов была еще в зачаточном состоянии, а отделений ВНО, в частности, в КПИ, на который гр-н **Ткаченко** обратил особенное внимание, совсем еще не было, работа по захвату военных дела оставалась только в проекте. В то же время некоторые международные события, как переворот Пилсудского и, в особенности, убийство Петлюры, направил внимание фигурантов настоящего дела несколько в другую сторону. Здесь уже на первый план выступает гр-н **Плевако**.

[...] Из имеющихся в деле агентурных данных видно, что **Плевако** учился в Харьковской гимназии до революции и кончал ее уже после революции. К моменту наступления на Харьков Деникина и боев с большевиками **Плевако** поступил в "Национальную украинскую оборону". Когда Деникин занял Харьков, **Плевако** через Киев пробрался в Каменец-Подольск, где поступил в петлюровскую школу старшин. Все время занимался в школе и вместе с нею наступал против красных по направлению на Киев. В школе **Плевако** считался весьма щирым. В то время, когда части укр.[айнской] армии во главе с Волохом * перешли на сторону красных, захватив с собой и школу старшин, **Плевако**, не желая служить в Красной Армии, скрылся неизвестно куда. Через некоторое время **Плевако** появляется в Киеве и работает здесь в Академии Наук. Помимо этого, **Плевако** занимается в КИНХ'е и кончает его года два-три назад. По окончании КИНХ'а **Плевако** стал работать у академика Воблого и специализироваться по экономике сахароварения. **Плевако** является, по агентурным данным, убежденным антисоветским типом. Во время пребывания его в ВУАН он однажды предложил сотрудникам Академии подать коллективное заявление о выходе из профсоюза. Мотивировал он это тем, что профсоюзы, мол, ничего не дают своим членам, а платить деньги только за звание члена союза нет смысла. Кроме того, по словам **Плевако**, профсоюзы, благодаря практиковавшемуся автоматическому приему в союз до того засорились, что человек, уважающий себя, не может оставаться в союзе. Из этой затеи **Плевако** ничего не вышло и никто из сотрудников, ни он сам не вышли из профсоюза. В период 1920-1922 гг. гр-н **Плевако** проживал в селе Гоголеве и проходил тогда по делу контрреволюционной организации. По имеющимся в настоящем деле агентурным данным, **Плевако** назывался **Ткаченко**, как лицо состоящее в курсе планов последнего в отношении работы по военизации ВУЗ'ов и захвата украинцами влияния в работе Военно-научного о-[бщест]ва. В дальнейшем уже и сам **Плевако** неоднократно справлялся о ходе дела и давал свои указания в этом направлении. Когда произошло убийство Петлюры Шварцбартом, гр. **Плевако** был чрезвычайно возмущен этим событием и стал выработать план мести, направленный против Соввласти, которая является, по мнению Плевако, виновницей убийства Петлюры. План был **Плевако** выработан следующий: необходимо достать тысяч 20—30 рублей, потратить на дело 1 1/2—2 года, постараться пробраться в высшие советские и партийные сферы, завоевать их доверие с тем, чтобы потом в здании какого-нибудь высшего советского или партийного органа, как ЦИК, например, поставить мощный радиоаппарат с зарядом волны определенной длины, а за-

Волох Омелян Іванович (1886, ст. Кальниболотька на Кубані — 1937, Соловки). На початку 1919 р. — командувач Запорізького корпусу, згодом Гайдамацької бригади. Захопивши державну скарбницю, перейшов до більшої історії. Член КП(б)У. 23 вересня 1933 р. засуджений на 10 років позбавлення волі. Розстріляний (Б і л о к і и ь С. Розстріляний список Соловків//Літературна Україна. — 1992. — 16 липня. — № 28. — С. 8).

тем в день годовичного съезда партии, стоя где-нибудь на площади, включить в карманный радиоприемник нужную волну и таким путем вызвать в здании взрыв, который сможет "погубить всю эту сволочь". Для проведения этого плана в жизнь **Плевако** поставил перед собой задачу оборудовать хорошую радиолaborаторию, привлечь надежных специалистов и провести несколько опытов для проверки и подготовки технической возможности такого радиовзрыва. Гр-н **Плевако** утверждал, что технически проведение этого вполне возможно и ссылался на взрыв собора в болгарской Софии, который, якобы, тоже был вызван по радио. **Плевако** занялся уже вербовкой надежных специалистов по радиоделу с тем, чтобы поставить опытную радиолaborаторию. При этом **Плевако** ссылался как на своего соучастника в этом предприятии на гр-на **Ткаченко** Николая Михайловича. Объясняя, почему именно он взял на себя проведение антисоветского террора, **Плевако** говорил, что единственной партией, имеющей опыт в проведении террора, являются русские с[оциалисты]-р[еволюционеры], но ни в СССР, ни за границей они не решаются сейчас встать на путь террора, ибо у большевиков имеются сейчас заложники с[оциалисты]-р[еволюционеры], а посему необходимо, чтобы инициативу проведения террора взяла на себя другая партия или просто группа лиц, которая является менее связанной. В подыскании специалистов по радиоделу принимал участие и гр. **Ткаченко**. В силу некоторых обстоятельств, а именно отъезда намеченного гр-ми **Плевако** и **Ткаченко** специалиста в отпуск, отсутствие у них средств для проведения опытов и т. д. привели к тому, что предприятие их заглохло и снова оживилось лишь к лету 1927 года. Летом 1927 г. **Ткаченко** снова заговорил о плане радиовзрыва. Из агентурных материалов, имеющихся в деле, видно, что опыты по передаче энергии на расстояние по радио были поставлены и удалось оборудовать опытную радиостанцию. При чьей помощи эта станция была оборудована, не удалось выяснить. Агентурным путем удалось выяснить со слов гр. **Ткаченко**, что станция эта была ликвидирована приблизительно в мае 1927 г. В июне 1927 года **Ткаченко** снова был озабочен устройством хорошей приемной радиостанции для приема заграничной информации. В имеющемся в деле агентурном материале отмечается то обстоятельство, что гр. **Плевако** и **Ткаченко**, имея раньше очень слабое понятие о радио, впоследствии стали проявлять большую осведомленность в этой области, что может свидетельствовать о том, что они занимались изучением теории радиодела. В связи с известием о произведенном в Ленинграде в "Дискуссионном клубе" взрыве и покушении на взрыв общежития сотрудников ОГПУ **Ткаченко** говорил, что опыты с производством взрывов по радио не удалось. Эти разговоры происходили после убийства тов. Войкова и в напряженный политический момент. **Ткаченко** высказывал мнение о том, что возможность самостоятельной борьбы Украины за независимость весьма мизерна и поэтому нужно обязательно ориентироваться на иностранную помощь. Всякое событие внутреннего или международного порядка **Ткаченко** старался использовать в невыгодную для совласти сторону. Как, например, можно указать на случай с проф. **Щербаковским**, который покончил жизнь самоубийством из-за того, что в Государственном историческом музее, в котором **Щербаковский** работал, создались благодаря внутренней склоке и неумелому руководству музеем со стороны директора его [Андрея Винницкого] чрезвычайно тяжелые для работы условия. По этому поводу **Ткаченко** говорил повсюду, что самоубийство **Щербаковского** весьма характерно для тех условий, которые существуют для работы при Советской власти. **Ткаченко**, состоя председателем месткома УАН, был одним из главных инициаторов написания пресловутого заявления группы украинских научных работников с требованием, чтобы расследование дела о самоубийстве **Щербаковского**

проводилось под их контролем. Этот случай с заявлением следует расценивать как попытку антисоветских украинских кругов подчеркнуть свое недоверие к Советскому суду и противопоставить себя последнему.

Из имеющихся в деле агентурных данных видно, что **Плевако** написал и собирался каким-либо способом опубликовать труд чисто политического характера, посвященный вопросам о социальном строе и задачах интеллигенции. Далее из агентурных материалов видно, что гр. **Плевако** посылал в свой план с радиовзрывом гр-ку **Туровскую** Татьяну Семеновну и делал попытки привлечь ее к своему предприятию.

Туровская Татьяна Семеновна, 1900 г. рожд., уроженка г. Москвы, разведенная, украинка, подданная УССР, беспартийная, чл.[ен] союза "Робос", служит деловодом Киевской электропрофшколы им. Ильича, образование среднее, проживает в Киеве по ул. Гершуни № 24, кв. 3, была, по имеющимся в деле агентурным данным, близко связана с **Плевако** и посвящена им в план радиовзрыва. 5 марта 1928 г. была арестована КООГПУ гр. Туровская Татьяна Семеновна, а затем гр. **Плевако и Ткаченко**. Кроме того, у них был произведен обыск. Обыск у **Ткаченко** не дал никаких результатов, а во время обыска у **Плевако** была обнаружена целая пачка различных записок, черновиков, заметок и выписок контрреволюционного содержания, которые, очевидно, представляют собой черновые заметки к той политической работе, которая была написана гр. **Плевако**, о которой речь шла выше. Среди этих заметок была одна, на которой сверху написано: "Програм[ма] партии" и, судя по этому и по содержанию имеющихся нескольких строк, представляет собой черновик программы или проекта программы какой-то партии фашистского направления.

На допросе гр-ка **Туровская** созналась в том, что она действительно была в близких отношениях с гр. **Плевако** и что последний рассказал ей о задуманном плане с радиовзрывом. Она заявила, что в период частых встреч с **Плевако** она находилась в очень тяжелом материальном положении и это отражалось на ее идеологии и отношении к Соввласти. Ее политические симпатии и антипатии почти всегда разделял гр. **Плевако**, и этим объясняется то обстоятельство, что **Плевако** вполне доверял гр-ке **Туровской** и посвятил ее даже в свой план.

Опрошенный гр. **Плевако** заявил, что сейчас он вполне и безраздельно стоит на советской платформе, совершенно разделяет все ее принципы и никакой антисоветской работы или агитации не проводит. **Плевако** признался в том, что он когда-то служил в войсках УНР в школе старшин и в том, что принимал участие в боях с Красной Армией, однако категорически отрицает то обстоятельство, что он дезертировал из школы в тот момент, когда школа вместе с другими частями Петлюровской армии во главе с **Волохом** перешла на сторону Красной Армии. **Плевако** заявляет, что он тогда только отбился от своей части, а кроме того, что он тогда не понял смысла переворота **Волоха** и не *знал*, что **Волох** переходит в Красную Армию. После переворота **Волоха** **Плевако**, по его словам, больше в Петлюровской армии не служил. Далее **Плевако** заявляет, что с тех пор никогда никакой антисоветской работы не проводил и ни в каких контрреволюционных организациях не участвовал. В апреле 1920 г. **Плевако** поступил на службу в канцелярию Непременного секретаря Академии Наук и с тех пор непрерывно работает в УАН. Лишь в период между концом 1921 и началом 1923 г. он жил в с. Гоголеве, где был преподавателем экономических дисциплин в агрошколе, одновременно оканчивая КИНХ.

Плевако не отрицал на допросах того, что найденные у него во время обыска заметки писаны действительно им и представляют собой черновики и тезисы "небольшой работы социологического характера о перспективах украинского дела в будущем". Эти заметки, по утверждению **Плева-**

ко, писались им приблизительно в 1924 и самое позднее в 1925 году, во всяком случае, с тех пор он перестал подготавливать материалы к своей работе и не возвращался к мысли об ее написании. Далее **Плевако** заявляет, что сейчас он с большинством тех мыслей, которые записаны в этих заметках, не согласен и не подписался бы под ними. Свою идеологию сейчас он представляет в следующем виде: "В основном я стою на советской платформе. В общем социальное и национальное строительство, которое проводит советская власть, меня удовлетворяет. Социальная революция в такой форме, какую ей придает советская власть на Украине и в России, преждевременна. Экономически вся наша страна к проведению социалистического хозяйства не созрела". На вопрос о том, действительно ли вел гр. **Плевако** в 1925 г. агитацию среди сотрудников Академии за массовый выход из профсоюза, он ответил, что говорил с некоторыми лицами, но эти разговоры нельзя квалифицировать как агитацию. На вопрос о значении черновика программы партии, найденного у **Плевако** во время обыска, и о том, не пытался ли он основать какую-нибудь политическую партию или группу для ведения политической работы при Советской власти, **Плевако** ответил, что эта бумажка была написана приблизительно в 1924 г. и представляет собой эскиз программы, от которой он отказался, не закончив, и не приводил в порядок. (Из продолжения] допроса 10—11 марта 1928 г.).

Во время дальнейших допросов **Плевако** утверждал, что никогда ни с кем не вел разговора о необходимости организации какой-либо группы для проведения контрреволюционной или антисоветской деятельности и что у него даже нет таких близких людей, с которыми бы он мог вести такие разговоры.

Своего знакомства и близких (интимных) отношений с **Туровской** **Плевако** не отрицает, но утверждает, что совершенно не знал и не знает ее политических убеждений и даже национальной принадлежности и поэтому абсолютно никогда не вел с ней никаких разговоров на политические темы и тем более не беседовал с ней о плане с радиовзрывом. **Плевако** утверждает, что история с радиовзрывом для него явилась полнейшей неожиданностью. Очная ставка **Плевако** с гр. **Туровской** также ничего не дала. Несмотря на подтверждение гр. **Туровской** во время очной ставки своих показаний, **Плевако** продолжал категорически отрицать какие бы то ни было свои разговоры с **Туровской** и с кем бы то ни было об этом деле. **Плевако** выражал удивление тем обстоятельством, что **Туровская** возводит на него такое ни на чем не обоснованное обвинение. Такой же позиции **Плевако** держался во все время следствия.

Допрошенный гр. **Ткаченко** заявил себя абсолютно советским человеком, ни в чем не расходящимся с Советской властью и ее принципами и политикой. Он считает, что Советская власть — единственная форма правления, которая может дать Украине широкие возможности развиваться культурно и экономически. **Ткаченко** не отрицает своего знакомства с **Плевако** как сотрудником одного и того же учреждения, но утверждает, что никогда он с ним не был в близких отношениях и ни на какие темы, кроме служебных и профессиональных, с ним никогда не говорил. О плане радиовзрыва **Ткаченко**, по его словам, ничего абсолютно не знает, впервые о нем слышит и вообще о радио, даже просто как о достижении человеческой техники, знает только очень поверхностно, по-обывательски, никогда никакой литературы не читал и специально этим вопросом никогда не интересовался. Далее **Ткаченко** утверждает, что никогда за все время существования Советской власти он ни с кем не вел каких бы то ни было разговоров против Соввласти и не высказывал даже какого бы то ни было недовольства линией Советской власти в том или ином вопросе.

Имеющийся в деле агентурный материал в достаточной степени устанавливает виновность гр. гр. **Ткаченко и Плевако**, а материал, найденный у последнего во время обыска, подтверждает имеющиеся агентурные данные.

На основании всего изложенного и принимая во внимание, что обвиняемые гр. гр. **Ткаченко и Плевако** являются социально опасными элементами

п о л а г а л ь н ы :

направить настоящее дело в Особое Совещание при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством заключить гр. гр. **Плевако** Александра Антоновича и **Ткаченко** Николая Михайловича в концентрационный лагерь сроком на ПЯТЬ лет.

Уполномоченный <підпис> (Такке) Согласен: Нач. СО <підпис> (Гражувль) Утверждаю: (Нач. КООГПУ <підпис> (Западный)).

Справка: гр. гр. **Ткаченко** Николай Михайлович и **Плевако** Александр Антонович арестованы во время операции по укр. [айнской] к[онтр]-революции] в ночь на 6.ІІ.28 г. и в настоящее время содержатся под стражей при комендатуре КООГПУ.

Вешдоки к делу прилагаются. Уполномоченный (Такке) *"

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014), арк. 59-62. Машинопис із підписами.

**Виписка з протоколу № 33/188 Особливої наради при Колегії ДПУ УРСР від 25 квітня 1928 р.: "Возбудить ходатайство перед Особсовещан.[ием] при Коллег.[ии] ОГПУ о заключении Плевако и Ткаченко в концлагерь сроком на ТРИ года" (ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, № 69709 ФП (кор. 2014, арк. 73). Виписка з протоколу Особливої Наради при Колегії ОДПУ від 8 жовтня 1928 р.: "Ткаченко Николая Михайловича приговорить к лишению свободы сроком на восемь месяцев, считая срок с 6/3—28 года. Дело сдать в архив" (Там же, арк. 71).

Документи до друку підготував
С. І. Білокін